

Горбов В.Н., Усачук А.Н.

КУРГАН БРОНЗОВОГО ВЕКА В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ ПРИАЗОВЬЕ

Работа посвящена введению в научный оборот итогов раскопок кургана в Северо-Восточном Приазовье. Основное количество погребений в кургане относится к срубной культуре. Прослежены интересные детали срубной погребальной обрядности.

Ключевые слова: курган, погребение, эпоха поздней бронзы, срубная культура.

В 1986 г. археологическая экспедиция Донецкого областного Дворца пионеров и школьников (ныне обл. Дворец детского и юношеского творчества) под руководством В.Н. Горбова провела охранные раскопки поселения Широкая Балка II в Новоазовском р-не Донецкой области. Материалы раскопок частично опубликованы [Горбов, 1997]. Памятник расположен в 4,5 км восточнее г.Новоазовска Донецкой обл. на правом высоком берегу балки Широкой, впадающей в морской лиман (рис. 1). Открыт в 70-е гг. прошлого столетия новоазовским краеведом И.В. Бочаровым. В 1981 г. разведки по балке Широкой проводил А.В. Колесник [Усачук, 1981, с.46]. Судя по описанию И.В. Бочарова и А.В. Колесника, основная часть поселения находилась на мысу, где был собран обильный подъемный материал. В 1985 г. мыс, на котором располагалось поселение, был разрушен в процессе добычи глины для кирпичного завода. Раскопки поселения в 1986 г. пришлось вести на участках поля, непосредственно примыкающих к разрушенному мысу (рис. 1).

Одновременно с работами на поселении, были проведены доисследования двух ям салтово-маяцкого времени, разрушенных во время строительства фермы колхозом “Россия” на соседнем к северу от поселения Широкая Балка II мысу (поселение Широкая Балка IV) (рис. 1).

Помимо этого, силами экспедиции в июле-августе 1986 г. проведены раскопки кургана, расположенного между мысами поселений Широкая Балка II и Широкая Балка IV (рис. 1). В Своде данных об исследованных курганах в XX в. на территории Донецкой обл. этот объект идет под № 276 [Свод данных..., 2004, с. 85]. Краткая информация о раскопках кургана опубликована [Горбов, Усачук, 1987, с. 66-67]. Находки сданы в фонды Донецкого обл. краеведческого музея.

Курган расположен на краю балки Широкой, в 160 м к северу от раскопа I поселения Широкая Балка II. Длина неправильной в плане, сильно распаханной насыпи 18 м, ширина – 14 м. Высота от современной поверхности – 0,5 м. Западная пола кургана была овальной формы, на восточной поле – две вершины, между которыми прослеживалась впадина. По рассказам местных жителей, в 1958 или 1959 гг. в течение 2-3 дней курган раскапывался при помощи бульдозера двумя механизаторами с целью найти “золото, закопанное турками”¹. Во время сноса части насыпи попадались большие плиты ракушечника. В 1985-1986 гг. с восточной полы кургана несколько раз брали землю для нужд строящейся рядом фермы № 1 колхоза “Россия”.

Курган раскапывался вручную, четырьмя секторами, с оставлением двух перпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света (рис. 2). В юго-западном секторе в

¹ Местные жители все курганы в округе считают турецкими могилами. Заметим, что легенды по поводу турецкого/татарского составляющего, связанного с курганами, весьма распространено в степной части не только Донбасса [Усачук и др., 2004, с. 24; Клименко, 2008, с. 30-31], но и гораздо шире [Харламович, 1930, с. 73; Недашковский, 2004, с. 145].

процессе работы оставлена дополнительная бровка А-Б (рис. 2). Все замеры даются от условного центра – высшей точки насыпи.

Стратиграфия кургана следующая: погребенная почва зафиксирована на глубине 0,75-1,0 м, материк – на глубине 1,3 м. Прослежены три насыпи. Практически по всей площади первая и вторая насыпи отделены от погребенной почвы светло-серой прослойкой мощностью 0,05-0,07 м. Так как юго-восточная часть кургана уничтожена поздними перекопами, не удалось полностью проследить размеры всех насыпей. Первая насыпь сооружена над **п. 16** (разрушенном). Размеры сохранившейся части этой насыпи 8×6 м. Форма ее, вероятно, овальная, вытянутая по линии северо-запад – юго-восток (рис. 2). Мощность до 0,4 м, цвет – черный. Ее перекрывает вторая насыпь, тоже, скорее всего, овальной формы, вытянутая по линии восток-запад (рис. 2). Размеры насыпи приблизительно 13×11 м, мощность 0,35-0,4 м. От первой насыпи вторая отличается интенсивным белесым оттенком. Создается впечатление, что в грунте второй насыпи большого количества растительного тлена. Эта насыпь сооружена в связи с **п. 15**, выкид из которого лежал на материке и на краю погребенной почвы в виде овального пятна толщиной 0,3 м (рис. 2). Во вторую насыпь впущены **пп. 1(?)**, **2**, **7**, **13(?)**. После совершения впускных погребений производились определенные обрядовые действия, следы которых удалось проследить, благодаря раскопкам без применения механизмов.

На поверхности второй насыпи были поставлены два сосуда (рис. 2). *Сосуд 1*: лепной, баночной формы, небрежно сделанный, дно с закраиной. На заглаженной поверхности много неровностей от крупных примесей в тесте. На внешней поверхности дна по окружности неровная примятость глины шириной 1,5-2,0 см (скорее всего, следы примазывания дна). Цвет серо-коричневый с черными пятнами. Высота – 7,5 см, диаметр венчика – 9,6-10 см (рис. 3, 8). Лежал на боку в 3,7 м к юго-западу от центра, недалеко от бровки В-3 на глубине 0,75 м.

Сосуд 2: лепной, баночной формы. На внешней и внутренней поверхностях – группы затертых вертикальных расчесов. Внутри сосуда вдоль венчика фиксируются и горизонтальные расчесы. У дна – небольшая закраина. Цвет серый. На внешней стороне сосуда следы нагара. Высота – 9,2 см, диаметр венчика – 14,4 см (рис. 3, 12). Глубина залегания сосуда – 0,8 м (рис. 2, бровка А-Б).

Кроме сосудов на северной поле второй насыпи зафиксировано скопление костей животных² и фрагментов керамики. Скопление продолжалось за насыпью кургана на погребенной почве (рис. 2). Глубина залегания костей животных от 0,85 м до 1,0 м, фрагментов керамики – 0,6-0,9 м. Керамика представлена небольшими фрагментами лепных сосудов эпохи поздней бронзы. В частности, найдено 17 фрагментов стенок, в том числе – один фрагмент с отпечатками веревочки (рис. 3, 7), 2 фрагмента доньев и 7 фрагментов венчиков лепных сосудов срубной культуры (рис. 3, 1-6). Кроме этого, в юго-западном секторе насыпи (рис. 2, С) обнаружено скопление мелких фрагментов одного сосуда: лепка более-менее аккуратная, в тесте – крупные примеси, на внешней и внутренней сторонах сохранились следы вертикальных и горизонтальных расчесов, цвет – светло-коричневый с серо-черными пятнами (рис. 3, 10), а так же – два фрагмента другого сосуда (рис. 3, 11) с отогнутым венчиком. Глубина залегания фрагментов посуды и костей животных фиксирует уровень второй насыпи.

В северной же поле кургана на расстоянии 7,5 м на север от центра в погребенной почве прослежена яма овальной формы размерами 3,5×2,0 м, вытянута длинной осью по линии север-юг, глубиной 0,15-0,17 м. Яма заполнена светло-серой золой (рис. 2).

Фрагменты костей животных и керамики, а так же яма с золой сохранились благодаря тому, что их перекрывает третья насыпь, связанная с **пп. 11**, **12** и **14**. В эту насыпь впущены **пп. 3**, **4(?)**, **5**, **6**, **9**, **10** и яма с сосудом. Мощность третьей насыпи до 0,8 м, цвет – черный (рис. 2).

² Фрагменты костей крупного рогатого скота (КРС) и свиньи. Определение археозоологического материала выполнено Е.Е. Антипиной (ИА РАН).

На расстоянии 3-4 м к западу от центра кургана на глубине 0,45-0,47 обнаружены две небольшие плиты ракушечника (рис. 2). Обратим внимание на то, что плиты найдены недалеко от плит перекрытия п. 2 и п. 7. Возможно, это остатки перекрытия какого-то разрушенного погребения, хотя кости человека в насыпи в этой части кургана отсутствовали.

В кургане найдено 16 погребений: 1 – раннекатакомбное или позднеямное?, 1 – раннекатакомбной культуры, 13 – срубной, 1 – неопределенное.

Погребение 1 (срубное) (рис. 4, 1) – найдено на расстоянии 3 м к северо-востоку от центра на глубине 0,9 м. Судя по глубине залегания, п. 1 могло быть впущено во вторую насыпь. Ребенок 5-7 лет³ положен в сильно скорченном положении на левом боку, головой к югу-юго-востоку. Руки согнуты в локтях, кисти у лица, ноги подтянуты к тазу. Голову ребенка, возможно, бинтовали для намеренной деформации черепа⁴. За головой погребенного стоял, слегка завалившись на бок, небольшой сосуд.

Сосуд лепной, баночной формы. В тесте видны следы органических примесей, выгоревших во время обжига. На внешней и внутренней поверхностях видны следы разглаживания глины во время лепки. Край венчика слегка загнут вовнутрь. Дно с небольшой закраиной (сохранились следы пальцев). Цвет серо-черный с небольшими рыжими пятнами. Высота – 10,1 см, диаметр венчика – 11,9 см (рис. 4, 2).

Погребение 2 (срубное) (рис. 5; рис. 6, 1) – найдено на расстоянии 2 м к северо-западу от центра. Над погребением на глубине 0,33-0,54 м находилось перекрытие в виде двух плит ракушечника: подтреугольной и неправильной форм. Размеры плит в среднем 0,6×0,5 м, толщиной 0,1-0,13 м. Отметим, что обе плиты положены ровными сторонами вверх, в то время, как обратная сторона их

имела весьма “дикий” вид. В центре плиты слегка просели. На расстоянии 0,47 м к югу от плит перекрытия на глубине 0,55 м лежал астрагал КРС (рис. 5, А). Судя по глубине, перекрытие и астрагал лежали на второй насыпи.

Под перекрытием, но несколько восточнее, прослежена яма овальной формы, углубленная в материк на 0,04 м (общая глубина ямы 1,34 м). Часть контура ямы не прослеживалась, юго-западный край ее нарушен кротовиной. В яме – костяк ребенка 3-5 лет положен в скорченном положении на левом боку, головой на северо-восток. Руки согнуты в локтях, кисти – на уровне груди. Левая нога согнута под острым углом, правая – почти под прямым. На кистях стоял, слегка завалившись в сторону погребенного, сосуд. Под костяком зафиксирован слабый тлен коричневого цвета (подстилка?) (рис. 6, 1).

Сосуд грубой лепки, горшковидной формы с округлым ребром. В тесте – крупные примеси. На внутренней поверхности частично сохранились следы затертых горизонтальных расчесов. Цвет сосуда серо-черный с участками серо-оранжевого. Вся поверхность и особенно торец венчика залощены от эксплуатации. Высота – от 9,6 до 10,3 см, диаметр венчика – 11,4 см (рис. 6, 2).

Астрагал (левая таранная кость) КРС (рис. 7, 1). Каудальная сторона частично разрушена, что привело к утрате и дистального участка кости. Часть края гребня на латеральной стороне кости заполирована (рис. 7, 2А).

Погребение 3 (срубное) (рис. 4, 6) – найдено на расстоянии 2,6 м к юго-западу от центра на глубине 0,4 м. Судя по глубине, впущено в третью насыпь. Сохранились фрагменты черепа и лучевых костей ребенка, по которым невозможно определить положение умершего. Сохранность костей не позволяет более точно определить возраст. Рядом с костями – развал сосуда.

³ Здесь и далее антропологические определения выполнены в октябре 1986 г. проф. Р.П. Клещевой и ассистентом Уве Яйтнером (кафедра анатомии человека, ДонМИ им. М. Горького, ныне ДонМУ).

⁴ Предположение Р.П. Клещевой и У. Яйтнера. В рукописном отчете антропологических определений сказано: “На затылочной кости за большим затылочным отверстием имеется необычная широкая борозда. Не исключено, что она образовалась вследствие бинтования”.

Сосуд лепной, баночной формы с сильно загнутым вовнутрь венчиком. Глина с крупными примесями, лепка – грубая. Обжиг очень плохой. Возможно, изготовлен с нарушением технологии (в спешке?). Цвет серый. Высота – 8,4 см, диаметр венчика около 11,0 см (рис. 4, 5).

Погребение 4 (срубное) (рис. 4, 3) – сильно разрушенное вспашкой, найдено на расстоянии 6,0 м к юго-западу от центра на глубине 0,54 м. Судя по глубине, впущено в третью насыпь. Костяк мужчины около 50 лет лежал на левом боку в скорченном положении головой на восток. Руки, очевидно, были согнуты в локтях и поднесены к лицу, поскольку, хотя большая часть их не сохранилась, возле сосуда, который находился перед лицом умершего, найдена фаланга пальца. Ноги сильно согнуты в коленях и подтянуты к тазу.

Сосуд лепной, горшковидной формы со слегка отогнутым венчиком. В тесте крупные примеси, но в небольшом количестве. Лепка более-менее аккуратная. На обеих поверхностях сохранились следы горизонтальных и диагональных расчесов пальцами и деревянным орудием (щепкой?) по влажной основе. Цвет сосуда серо-черный. На поверхности, дне и на торце венчика – залощенность от эксплуатации. Высота – 11,4 см, диаметр венчика – 14,6 см (рис. 4, 4).

Погребение 5 (срубное) (рис. 4, 7) – найдено на расстоянии 7,5 м к юго-западу от центра, в 1,5 м к югу от п. 4, на глубине 0,70-0,77 м. Впущено в третью насыпь. Костяк мужчины 50-60 лет⁵, рост 182-185 см, лежал на правом боку в скорченном положении головой на северо-восток. Череп, расположенный чуть выше остальных костей (глубина 0,64 м), сильно разрушен глубокой вспашкой. Руки умершего согнуты в локтях под острым углом, кисти поднесены к правому плечу. Ноги сильно согнуты в коленях. Инвентарь отсут-

ствовал. Следует отметить необычное положение плюсневых костей: три из них лежали возле лица погребенного, одна – за головой (потревожена вспашкой?) (рис. 4, 7).

Погребение 6 (срубное) (рис. 6, 5), практически рядом с п. 5, на глубине 0,53-0,63 м. Впущено в третью насыпь. Череп сильно разрушен вспашкой. Костяк взрослого человека (женщина?) лежал в сильно скорченном положении на животе с небольшим разворотом влево, головой на восток. Правая рука согнута под острым углом и слегка заведена за спину. Левая рука также согнута под острым углом, лежит перед грудью погребенного. Интересно положение кистей: правая практически прижата к костям правого предплечья, что невозможно без перерезания сухожилий. Два пальца левой кисти (безымянный и мизинец) прижаты к костям предплечья левой руки, а три остальных пальца отделены и положены в анатомическом порядке перед сосудом, развернутые на 180° по отношению к костям предплечья. Возле лица погребенного лежал на боку сосуд.

Сосуд лепной, баночный, со слегка утолщенным венчиком и небольшой закраиной на дне. Внешняя поверхность слегка заглажена. На внутренней поверхности локально сохранились следы грубых горизонтальных расчесов, нанесенных щепкой. Цвет серо-черный. Кое-где поверхность сосуда покрыта интенсивным черным нагаром. Высота – 8,0 см, диаметр венчика – 12,0-12,5 см. Потревожен вспашкой (рис. 6, 6).

Погребение 7 (срубное) (рис. 5; рис. 6, 3) – найдено на расстоянии 2,5 м к северо-западу от центра, в 0,5 м к западу от п. 2. Над погребением на глубине 0,58-0,68 м находилось перекрытие в виде двух плит ракушечника подпрямоугольной формы. Размеры плит в среднем 0,75×0,55 м и 0,55×0,50 м, толщиной 0,1-0,2 м. В центре одна плита слегка находит на дру-

⁵ В рукописном отчете антропологических определений сказано: “Поскольку все кости имеют крепкий, мощный компактный слой, грубую поверхность с множеством наростов, валиков, выступов и пористые дефекты губчатого вещества, т.е. появления остеопороза, можно сказать, что они принадлежат человеку мужского пола возрастом 50-59 лет. Уровень костномозговой полости бедренной кости находится в середине проекции малого вертела, что указывает на возраст человека ближе к 60 годам. Следует отметить, что степень стирания зубов не соответствует этому возрасту, так как началось только стирание эмали и бугорков, но еще не затронут дентин, что характерно для 20-25 летнего возраста”.

гую. Плиты положены, как и на перекрытии п.2, более ровными сторонами вверх (здесь ситуация с ровными/неровными (“дикими”) плоскостями плит более отчетлива, чем в п. 2). На расстоянии 0,45 к югу от плит на глубине 0,7 м находился астрагал КРС (рис. 5, А). Судя по глубинам, перекрытие и астрагал лежали на второй насыпи, как и перекрытие с астрагалом п. 2. То, что глубина залегания перекрытия и астрагала п. 7 несколько ниже глубин перекрытия и астрагала п. 2, свидетельствует о понижении уровня второй насыпи.

Под перекрытием, у восточного края, на глубине 1,18 м обнаружен костяк ребенка 2-4 лет (сохранность костей очень плохая), в скорченном положении на правом боку, головой на северо-восток. Левая рука согнута в локте и поднесена к лицу, положение правой – не определяется. Ноги очень сильно согнуты в коленях и подтянуты к груди. У головы погребенного – сосуд (рис. 6, 3).

Сосуд лепной, сформован небрежно, со слегка намечающимся ребром. Сохранились следы примазывания дна и верхней части сосуда к первоначально вылепленной чашечке. Во время состыковки двух частей сосуда и было выделено слабое ребро. На заглаженной поверхности сосуда много неровностей от крупных примесей в тесте. На внутренней поверхности сохранились следы грубых горизонтальных и диагональных расчесов (щепка?, пальцы). По венчику идут косые вдавления – насечки, под венчиком – небрежно прочерченные пересекающиеся короткие линии. Под ними в двух местах на одной стороне сосуда по три в ряд – неглубокие пальцевые вдавления. Диаметр вдавлений 0,5-0,7 см. Цвет сосуда черный с небольшими серо-коричневыми пятнами. Вся поверхность сосуда, его дно и особенно торец венчика довольно сильно заложены от эксплуатации. Высота сосуда – 9,6 см, диаметр венчика – 12,8 см (рис. 6, 4).

Астрагал (левая таранная кость) КРС (рис. 7, 3). Сохранность поверхности не очень хорошая. Участки гребней на дорсальной стороне кости заполированы (рис. 7,4А).

Погребение 8 (неопределенное) (рис.8, 1) – обнаружено на расстоянии 5,85 м к юго-востоку от центра. На глубине 0,66 м зафиксированы фрагменты ребер и большая бер-

цовая кость взрослого человека. Погребение разрушено современным перекопом (очевидно, в конце 50-х гг. XX в.). Возможно, найденные недалеко от п. 8 в слоях перекопа мелкие фрагменты черепа и пяточная кость взрослому человеку относятся к этому разрушенному погребению. Инвентарь отсутствовал.

Погребение 9 (срубное) (рис. 8, 2) – обнаружено в 4,7 м к северо-востоку от центра на глубине 0,34 м. Судя по глубине, впущено в третью насыпь. Почти полностью разрушено вспашкой. Сохранился костный тлен: рассыпающиеся кости руки ребенка. Положение и ориентация не восстанавливаются. Возле костей – фрагменты сосуда.

Сосуд лепной, баночной формы со слегка вогнутым вовнутрь венчиком. Лепка довольно аккуратная. На обеих сторонах – горизонтальные пальцевые расчесы. Цвет серый. Видимо, в какой-то мере был нарушен процесс сушки и обжига: на внутренней поверхности сосуда зафиксированы трещины-разрывы [ср. Глушков, 1996, с. 79-80]. Диаметр венчика восстанавливается в пределах 28,0 см (рис. 8, 4).

Погребение 10 (срубное) (рис. 8, 5) – найдено на расстоянии 7,5 м к юго-западу от центра, в 0,6 м северо-западнее п. 6, на глубине 0,67 м. Женщина 25-30 лет лежала на левом боку в сильно скорченном положении, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кисти – под черепом. Согнутые в коленях ноги сильно подтянуты к туловищу. Колено правой ноги – на уровне груди, стопа – на уровне таза. Колено левой ноги – на уровне лица. Очевидно, тело перед помещением в могилу связывали. На костях левой ноги, перед руками погребенной, стоял сосуд. Рядом с ним, на колене левой ноги, уложены плюсневые кости стопы. Череп слегка разрушен вспашкой.

Сосуд лепной, баночной формы с едва-едва заметным ребром. Лепка аккуратная. Тесто с органическими примесями, выгоревшими во время обжига. На обеих поверхностях сосуда локально сохранились следы горизонтальных расчесов, нанесенных деревянным орудием по влажной основе (на внутренней поверхности еще и следы разглаживания глины пальцами). На внешней поверхности сосуда под горизонтальными были нанесены и диагональные расчесы. В одном месте – груп-

па диагональных расчесов нанесена щепкой поверх горизонтальных уже по подсушенной основе. У дна небольшие закраины. Цвет серо-коричневый, местами – черный. Торцев венчика, дно и отчасти поверхность тулова залощены от эксплуатации. Высота – 12,2 см, диаметр венчика 15,7 см (рис. 8, 6).

Погребение 11 (срубное) (рис. 9, 1) – обнаружено на расстоянии 5,0 м к северо-востоку от центра, на глубине 0,7-0,8 м. Судя по глубине, возможно было совершено на второй насыпи. Практически полностью разрушено (причина разрушения?)⁶. На площади приблизительно 1 кв.м найдены лежащие в беспорядке фрагменты костей конечностей и ребер взрослого человека. Некоторые мелкие косточки – кальцинированы. Рядом с костями – развал сосуда.

Сосуд лепной, баночной формы со слегка загнутым вовнутрь венчиком. Лепка грубоватая. На внешней стороне сохранились крупные следы заплывших вертикальных расчесов. На внутренней стороне верхняя часть банки сохранила горизонтальные следы пальцев. На обеих сторонах при разглаживании глины образовалось много неровностей от крупных примесей в тесте. Видимо, из-за большого количества примеси был нарушен процесс сушки или обжига сосуда: на внутренней поверхности банки образовались группы микротрещин [ср. Глушков, 1996, с. 79-80]. Цвет: черный с серыми пятнами. Внутри сосуда возле дна – следы нагара. Высота реконструируется в пределах 27,3 см, диаметр – 36, 2 см (рис. 9, 3).

Погребение 12 (срубное) (рис. 8, 7) – обнаружено в 4,0 м на северо-восток от центра, на глубине 0,78 м. Отметим, что погребенный лежит на второй насыпи, довольно четко отличающейся от более темного грунта над погребением. Ребенок 9-12 месяцев, на правом боку, головой на север. Руки согнуты в локтях, кисти поднесены к лицу. Нижняя часть костяка не сохранилась. Ноги, вероятно, были

согнуты в коленях. У головы – развал сосуда. Под черепом ребенка найден полностью рассыпавшийся фрагмент венчика другого сосуда (плохой обжиг?).

Сосуд лепной, баночной формы со слегка отогнутым венчиком. В тесте – крупные примеси. Лепка более-менее аккуратная, на обеих сторонах банки – слабые расчесы. Цвет посуды – серый. Отметим слабый обжиг, из-за чего керамика плохо сохранилась. Высота реконструируется в пределах 11,3 см, диаметр венчика 13,4 см (рис. 8, 8).

Погребение 13 (срубное) (рис. 8, 3) – находилось в 0,6 м на восток от п. 12, на глубине 1,21 м. Судя по глубине, погребение было впущено во вторую или третью насыпи. Благодаря тому, что уровень дна погребения чуть ниже уровня материка, удалось проследить контуры овальной погребальной ямы, немного нарушенной в западной части кротовиной. Женщина 30-35 лет, рост 145-155 см, лежала на левом боку в скорченном положении, головой на восток. Руки согнуты в локтях, кисти – на уровне груди. Ноги согнуты в коленях и подтянуты к тазу. Инвентарь отсутствовал. Интересно отметить положение левой кисти. Отсутствуют пястные кости, а также – кости запястья. Фаланги же пальцев положены перед лицом погребенной отдельно от руки в анатомическом порядке. И на отделенной левой кисти, и на правой – отсутствуют кости больших и указательных пальцев.

Погребение 14 (срубное) (рис. 9, 2) – в 6,5 м на северо-восток от центра, на глубине 0,77 м. Как и в п. 12, здесь фиксировалась четкая граница, разделяющая вторую и третью насыпи. Таким образом, п. 14 совершено на второй насыпи. Женщина 60-70 лет, рост 160-170 см, лежала на левом боку в сильно скорченном положении, головой на восток-северо-восток. Руки согнуты в локтях, поднесены к лицу. Ноги сильно согнуты, пятки подтянуты к тазу (связывали?). Возможно, череп бинтовали⁷. Инвентаря нет.

⁶ В полевом дневнике, который вел А.Н. Усачук, в тексте от 7 августа 1986 г. написано: “Причины разрушения п. 11 не совсем понятны. Предполагаю – современный перекоп, фиксируемый в соседнем секторе и в бровке СВ сектора, своим краем разрушил погребение”.

⁷ Предположение Р.П. Клещевой и У. Яйтнера. В рукописном отчете антропологических определений сказано: “На чешуе затылочной кости имеется необычная выпуклость. Эти изменения могли образоваться вследствие бинтования черепа”.

Погребение 15 (катакомбное) (рис. 10, 2) – обнаружено в 3,0 м на юго-запад от центра. Контуры входной шахты зафиксированы на уровне материка (1,25 м), однако заполнение, представляющее собой смесь глины и чернозема, прослеживалось на 0,15 – 0,20 м выше. Входная шахта была впущена в погребенную почву. Положение выкида (рис. 2) свидетельствует о том, что первоначально участок почвы был прокопан до материка большей площадью, чем входная шахта. Во время подготовки участка был снят и небольшой слой материка в южной части входной шахты.

Входная шахта подпрямоугольной формы с сильно закругленными углами и двумя ступеньками, вытянута по оси север-юг. Размеры шахты 2,35×1,60 м, глубина 1,73 м в южной части и 2,29 м у входа в камеру. Вход в погребальную камеру находится в верхнем углу восточной стенки. Камера, расположенная на глубине 2,49 м, в плане имеет форму вытянутого прямоугольника (по оси запад-восток) с очень закругленными углами. Длина камеры – 1,64 м, ширина – 0,7-0,8 м. Свод камеры, у входа приподнятый на высоту 0,9 м, постепенно понижался к задней стенке. В свою очередь, высота задней стенки 0,42 м. Заполнение камеры такое же, как и входной шахты.

Погребение сильно разрушено кротовинами. В заполнении камеры найдены фрагменты ребер и часть лопатки ребенка. На костях и частично – на дне зафиксированы следы охры. Инвентарь отсутствовал. В засыпке над входной шахтой найден фрагмент сосуда.

Фрагмент стенки: часть тулова толсто-стенного сосуда с крупными разнонаправленными расчесами на внешней и внутренней сторонах. Расчесы на внешней стороне сделаны по влажной глине, на внутренней – по подсушенной (сохранились более четко). Цвет – серый (рис. 10, 3).

Погребение 16 (катакомбное?) (рис. 10, 1) – зафиксировано в 2 м к юго-востоку от центра. Очевидно, это основное погребение в кургане, практически полностью разрушенное поздним перекопом. В материке зафиксирован угол прямоугольной ямы (входной шахты?). Глубина ямы в материке 0,2-0,22 м. Заполнение – глина с черноземом.

Кроме погребений, в бровке север-юг в 1,05 м на север от репера обнаружена часть ямы, впущенной в третью насыпь (рис. 2). Глубина ямы 1,25 м, длина прослежена только на 0,4 м, ширина – 1,1 м. Яма имеет своеобразное заполнение: внизу забита материковой глиной на высоту 0,4-0,5 м, сверху заполнена черноземом, смешанным с глиной. Среди верхнего заполнения сохранившейся части ямы на глубине 0,57 м был найден сосуд.

Сосуд грубой лепки, баночной формы с небольшой закраиной у дна. На внешней поверхности дна по окружности неровная примятость глины шириной 1,0-1,5 см (скорее всего, следы примазывания дна). Поверхность затерта. Цвет серо-черный. Высота его 7,2-7,3 см, диаметр венчика 10,4-10,6 см (рис. 3, 9).

Основное погребение кургана (**п. 16**) разрушено и его привязка к катакомбному (позднеямному?) времени несколько условна. Зато, хоть и с разрушениями, неплохо сохранилась конструкция впускного **п. 15**, что позволяет несколько уточнить его культурную принадлежность. В данном случае мы имеем дело с формой, близкой, на наш взгляд, так называемым “Т-образным” катакомбам, хотя признаки подобных катакомб в нашем случае несколько размыты – камера вырыта не под короткой, а под длинной стенкой входной ямы. “Т-образные” конструкции катакомб были характерны для предднепровских погребений [Смирнов, 1996, с. 10; Санжаров, 2001, с. 49], а также захоронений донецкой катакомбной культуры [Братченко, 1976, рис.11; Смирнов, 1996, с. 30]. Раннекатакомбное время **п. 15** подчеркивается наличием нескольких ступенек во входной шахте [ср. Братченко, 2001, с. 20]. Добавим, что по наблюдениям С.Н. Санжарова, все раннекатакомбные погребения Северо-Восточного Приазовья были впущены в насыпи позднеямных курганов [Санжаров, 2001, с. 46]. Возможно, в таком случае, разрушенное **п. 16** относится к позднеямному времени.

Обратим внимание на такую деталь кургана 1, как овальная яма, заполненная светло-серой золой (рис. 2). Подобные ямы (правда, в единичных случаях), относящиеся к эпохе поздней бронзы, отмечаются под насыпями

курганов на Нижнем Дону [Чернопицкий, 1983, с. 85].

Срубные захоронения рассматриваемого кургана зафиксировали любопытные проявления ритуальной практики населения эпохи поздней бронзы.

В четырех случаях (пп. 5, 6, 10, 13) имело место посмертное расчленение тела умершего. В частности, у покойников из погребений 5 и 10 были *отчленены стопы*. Данная манипуляция производилась носителями срубной культуры крайне редко. Достаточно сказать, что по подсчетам В.В. Цимиданова, в сводке из 2831 захоронения, которые были исследованы на территории Украины и прилегающих к ней приазовских районах Ростовской обл. России, содержатся лишь 2 комплекса, демонстрировавших данный обряд (0,07 %), и оба они выявлены в публикуемом кургане. Далее к востоку подобных захоронений больше, но – ненамного. Так, в захоронении из Алексеевки, к. 1, п. 1, Липецкая обл., Россия у костяка человека пожилого возраста отсутствовали кости стоп [Мельников, 2005, с. 85]⁸. Аналогичная ситуация: погребение 1 (взрослый человек), выявленное на поселении Ровенка 5, Липецкая обл. [Чивилев, 2000, с. 114]. Р.С. Багаутдинов и И.Н. Васильева, публикуя погребение из Золотой Нивы II, 1/16, Самарская обл., Россия, предположили, что ступни ног у покойника были отрублены [Багаутдинов, Васильева, 2004, с. 191]. В могиле выявлен набор украшений, откуда можно утверждать, что здесь была погребена женщина [см.: Цимиданов, 2006, с. 204; табл. 5].

В погребении 3 кургана I Спиридоновского II могильника, Самарская обл., у скелета ребенка 5 лет отсутствовали кости стоп, а также – кистей [Кузнецов, Мочалов, 1999, с. 62].

Обратим внимание на исследования I Алексеевского (левобережного) грунтового могильника, Саратовская обл., Россия [Агапов, Ватазина, Пестрикова, 1978, с. 150]. В п. 16 у костяка взрослого человека отсутствовали фаланги стоп [Ватазина, Пестрикова, 1977⁹].

Целая серия манипуляций с телами умерших зафиксирована при исследовании Лузановского могильника, Самарская обл. В п. 16 кургана 11 у скелета взрослого крупного телосложения отсутствовали кости стоп [Васильев, 1977, с. 25]. То же зафиксировано в п. 20 этого кургана [Васильев, 1977, с. 25]. Поскольку в захоронении выявлен браслет, можно с достаточной долей вероятности допускать, что мы имеем дело с женщиной [см.: Цимиданов, 2006, с. 204; табл. 5]. В п. 4 (подросток) и п. 10 (ребенок) кургана 7 у умерших нет ступней [Васильев, 1977, с. 16, 18]. При этом кости одной из ступней подростка в п. 4 лежали в анатомическом порядке ближе к углу ямы.

В нескольких погребениях могильника Уранбаш-южный, Оренбургская обл., Россия (в ранней публикации – могильник Уранбаш [Моргунова, 1999]) зафиксированы случаи неполного помещения тела в могилу. Например, в п.1 кургана 2 у костяка взрослого человека отсутствовали кисти и стопы¹⁰, череп и многие кости таза и позвоночника [Моргунова, 1999, с. 40; 2005, с. 100]. В п.10 кургана 4 (подросток 12-13 лет) отсутствовали кости стоп (а также – рук) [Моргунова, 1999, с. 41; 2005, с. 112]. Заметим, что в п. 5 этого же кургана у костяка взрослого человека были отчленены ноги ниже колен [Моргунова, 1999, с. 41; 2005, с. 111], а в п. 16 кургана 8 зафиксирован “скелет ребенка без костей ног” [Моргунова, 1999, с. 44] (судя по чертежу погребения, правильное сказано в более поздней

⁸ В тексте отчета эта ситуация оговорена более четко: “... при общей хорошей сохранности костей скелета, когда отлично сохранились кости пальцев рук, у захороненного человека отсутствовали кости ступней обеих ног. Разрушенность этого участка норами исключается, кроме того, нижний конец правой малой берцовой кости, к которому и должна крепиться стопа, лежал непосредственно на подстилке. То есть тело умершего человека уже было без ступней, когда его положили в могилу” [Отчет Мельникова Е.Н. ..., 2004, с. 10-11].

⁹ К сожалению, отчета, на который дана ссылка, нам не удалось разыскать в НА ИА РАН. Выписки из отчета и ссылка на его название были сделаны авторами во время работы в фондах Куйбышевского гос. педагогического института (ныне – Самарский гос. педагогический университет) 21 февраля 1982 г. во время работы 2-го Совещания по проблемам срубной общности.

¹⁰ Н.Л. Моргунова ошибочно пишет: “кисти рук и ног” [Моргунова, 1999, с. 40; 2005, с. 100].

публикации: “...неполный скелет ребенка, отсутствовали кости позвоночника, таза и ног” [Моргунова, 2005, с. 117]).

В погребении из Новых Ябалаклов I, 2/1, Башкортостан, Россия, не было костей стоп, а также рук, начиная от локтей [Горбунов, 1977, с. 154]. Судя по наличию в комплексе набора украшений, можно считать, что в могиле была погребена женщина.

В погребении 3 кургана 2 из того же могильника у умершей женщины были отчленены стопы, и, к тому же, – левая рука и кисть правой [Горбунов, 1977, с. 156].

В захоронении 1 кургана 104 из Старо-Ябалаклинского могильника, Башкортостан, у скелета подростка отсутствовали кости стоп, кистей, череп [Горбунов, Морозов, 1991, с. 47].

Погребение 13 широкобалкинского кургана демонстрирует обряд *отчленения кисти*. Он встречался в срубной культуре еще реже, чем обряд отчленения стоп. Так, в упомянутой выше сводке из 2831 погребения с территории Украины и приазовских районов Ростовской обл. России, содержится лишь 1 комплекс (выявлен в публикуемом кургане), где кисть руки умершего была отчленена. Это составляет лишь 0,035 %. Аналогии данной практике можно найти на более восточных территориях. Выше мы уже упоминали погребения из Новых Ябалаклов I, 2/3, Старых Ябалаклов, 104/1, Спиридоновки II, 1/3 и могильника Уранбаш-южный, где проявилась эта практика. Приведем теперь другие примеры.

Начнем с Лузановского могильника, на который мы уже обращали внимание. Кисти не обнаружены у костяка из п. 1 кургана 16 этого могильника [Васильев, 1977, с. 33]. Выше мы говорили про отсутствие ступней у подростка в п. 4 кургана 7. Добавим, что у костяка в этом погребении отсутствовала также кисть левой руки [Васильев, 1977, с. 16]. Предплечье и кисть правой руки, а также

кисть левой руки отсутствовали у подростка в п. 11 кургана 15 [Васильев, 1977, с. 33].

В погребении 3 из Степановки III, курган 2, Самарская обл. у костяка умершего отсутствовали плюсневые кости и кости кистей [Лифанов, Крамарев, Цибин, 2008, с. 125]. Судя по присутствию в захоронении набора украшений, в могиле была погребена женщина.

В погребении из Спиридоновки II, 1/8, Самарская обл. было выявлено 3 костяка (возраст умерших – 3-4 года, 5-6 лет и 7-9 лет), и у всех отсутствовали кисти [Кузнецов, Мочалов, 1999, с. 64-65].

В погребении мужчины 35-45 лет из Паницкого, 6Б/2, Саратовская обл. отсутствовали кисти обеих рук [Мимоход, 2009, с. 45].

В погребении 39 грунтового могильника Смеловка, Саратовская обл. выявлен костяк мужчины 30-40 лет без кистей [Лопатин, 2010, с. 27].

При раскопках захоронения ребенка из Свердлово IV, 1/23, Оренбургская обл. было установлено, что кисти у покойника были отчленены, а затем положены близ лица под прямым углом друг к другу [Халяпин, 1998, с. 60].

Погребения 6 и 13 публикуемого кургана демонстрировали *отчленение пальцев покойников*. В качестве параллелей стоит привести следующие. В упоминавшемся захоронении 2 из Паницкого, курган 6Б, где у покойника были отчленены кисти, три фаланги пальцев лежали перед тазом [Мимоход, 2009, с. 45]. В погребении 2 кургана 5 из могильника Солнечный, фаланги правой кисти взрослого почти в полном анатомическом порядке лежали за черепом [Пестрикова, 1977, с. 78]. Отчленение пальцев (не только рук, но и ног) имело место и в погребении из Ново-Баскаково, 1/3, Башкортостан [Збруева, Тихонов, 1970, с. 65]. В Лузановском могильнике у костяка взрослого из п.1 кургана 8 отсутствуют фаланги пальцев рук [Васильев, 1977, с. 19]¹¹.

¹¹ Обращаясь постоянно к материалам Лузановского могильника отметим, что своеобразные детали манипуляции с телами умерших в погребениях этого памятника не ограничиваются отчленением стоп, кистей и пальцев рук. Например, в п. 1 кургана 7 на малой берцовой кости подростка сохранились следы пропила до половины кости с последующим ее сломом [Васильев, 1977, с. 15; Семенова, 2000, с. 176]. Заметим, что сломана была и большая берцовая кость [Васильев, 1977, с. 15]. В п. 1 кургана 13 костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, тем не менее, сопровождался сосудом развитого этапа срубной культуры [Васильев, 1977, рис. 15, 4]. Предплечье и плечевая кость костяка находились в ногах умершего в анатомическом порядке [Васильев, 1977, с. 28].

В данной связи уместно вспомнить захоронение 7 из кургана 6 возле с. Хашцевое, Днепропетровская обл. В могильной яме находился костяк собаки, рядом с которым располагался сосуд. В нем обнаружены фаланги пальцев руки человека [Ковалева и др., 1979, с. 13].

Несомненно, рассмотренные случаи расчленения умерших заслуживают пристального анализа с подключением максимально большого банка данных. Пока же можно обратить внимание на то, что они практиковались преимущественно при погребении женщин (на эту деталь наше внимание обратил В.В. Цимиданов).

Еще один вариант посмертных манипуляций с телом покойника демонстрирует п. 11 рассматриваемого кургана. Здесь часть костей умершего была кальцинирована. В данном случае мы сталкиваемся не с кремацией, а с обрядом обожжения трупа. Проявления этого обряда в срубной среде встречаются относительно часто по сравнению с отчленением стоп и кистей (см., например: [Ковальова, Волкобой, 1976, с. 3, 6, 8, 10, 12, 13; Волкобой, 1979, с. 98-99; Ковалева и др., 1981, с. 21, 27, 34; Ильюков, Казакова, 1988, с. 82, 83; Горбунов, Морозов, 1991, с. 47] и др.). В массиве срубных погребений Украины и Ростовского Северо-Восточного Приазовья они составляют 0,8 % [Цимиданов, 2004, табл. 30].

Применительно к погребению 14 широкобалкинского кургана можно допустить, что покойник был связан. Отметим, что многие исследователи, публикуя срубные погребения, обращали внимание на неестественное расположение некоторых костей умерших и делали отсюда предположения о том, что тело было помещено в могилу в связанном виде. Так, в упоминавшемся уже захоронении 1, выявленном на поселении Ровенка 5, Липецкая обл., у покойника ноги, вероятно, были связаны у ступней [Чивилев, 2000, с. 114]. О связывании можно говорить и применительно ко многим другим захоронениям (см., например: [Васи-

льев, 1977, с. 30; Иванов, Скарбовенко, 1993, с. 80-95, табл., с. 103, 104; Багаутдинов, Васильева, 2004, с. 188, 190; Скарбовенко, 2006, с. 25] и др.). Добавим, что в известных нам случаях, когда можно предполагать связывание трупа, чаще связывали ноги, реже – руки и еще реже привязывали ноги к туловищу.

В кургане, исследованном близ балки Широкой, на черепах из погребений 1 и 14 прослежены следы искусственной деформации. Данная практика в срубной культуре являлась аномальной. Так, антропологи, обработавшие большие серии срубных черепов, не фиксируют ее проявлений (см., например: [Круц, 1984, с. 57-63]). Применительно к срубной культуре нам известно, помимо публикуемых, лишь один случай искусственной деформации. В упоминавшемся погребении из Новобаскаково, 1/3 имела место искусственная деформация черепа подростка на темени вдоль венечного шва [Збруева, Тихонов, 1970, с. 65]. Возможно, искусственная деформация черепа в срубной культуре встречена еще раз: в 1976 г. в п. 3 кургана I у с. Новоселовка, Донецкая обл., Украина был исследован "...костяк взрослого на правом боку с завалом на спину; видимо был скорчен ..., головой на СВ, руки согнуты, "кистями" у черепа. Череп необычайно удлиннен" [Братченко и др., 1976, с. 74].

Близ погребений 2 и 7 были положены астрагалы (таранные кости) КРС. Заметим, что иногда данные артефакты обнаруживаются в срубных погребениях (см., например: [Васильев, 1975, с. 23, 27; Ковалева и др., 1979а, с. 32; Колев, 2003, с. 95, табл., пп. 32 и 36¹²; Юдин, 2009, с. 147-150, 152, 153]), но там они встречаются значительно реже, чем астрагалы мелкого рогатого скота (МРС). Что касается использования астрагалов КРС в ритуалах, совершавшихся вне могилы, то следует констатировать минимальность масштабов данной практики. Кроме кургана, раскопанного близ Широкой балки, ни в одном из курганов находок рассматриваемых артефактов нам неизвестно. А вот в культовых комплексах посе-

¹² В публикации не сказано, какие именно астрагалы (альчики) найдены в п. 32 и 36, но в свое время Ю.И. Колев поделился с нами копиями чертежей погребений и рисунками находок II Съезженского могильника. Судя по размерам астрагалов – в п. 32 найдены несколько астрагалов МРС и не менее 2-х астрагалов КРС, а в п. 36 – астрагал КРС.

лений они встречаются (впрочем, тоже нечасто). Например, при раскопках М.П. Грязновым в 1951 г. землянки 3 на срубном поселении Ляпичев хутор, Волгоградская обл., Россия, в яме № 14 (№ 2 по полевым записям) найдено, судя по шифрам (1836/8 яма 2), 5 экз. таранных костей КРС. Эти кости (астрагалы) не обработаны, но на дорсальной поверхности двух экз. – тонкие, параллельные друг другу, короткие следы резки острым металлическим лезвием. Подобные следы часто фиксируются на таранных костях крупных и мелких копытных (например: [Кривцова-Гракова, 1948, с. 125; Усачук, 2000, рис. 1, 1; Антипина, 2004, с. 191]). Вероятно, таранные кости КРС, найденные в яме № 14, были расколоты, поскольку в коллекции они представлены склеенными экземплярами¹³. В связи с находкой в яме № 14 расколотых астрагалов КРС, обратим внимание на дневниковую запись М.П. Грязнова: “...1.Х. Понедельник. ... На землянке 3 при снятии вещей со дна установлены кучки расколотых астрагалов быка ...” [Грязнов, 1951, л. 5]. Безусловно, астрагалы КРС в яме и на дне жилища относятся к следам каких-то обрядов (кучки расколотых астрагалов на дне землянки – явные следы жертвоприношения оставления жилища [Мимоход, 2001, с. 98-99; Горбов, Мимоход, 1999, с. 25-26, 27-28]).

Заслуживает упоминания комплекс, выявленный на поселении Макаровская Речка, Саратовская обл. Здесь в центральной части постройки, где имелись следы металлургического производства, исследована подпрямоугольная яма (1,87 × 1,16 м; гл. – 0,6 м). В ее заполнении встречены астрагалы КРС и барана, другие кости животных, фрагменты керамики, 2 керамических орудия со сточенными краями, каменное орудие. На дне ямы в определенном порядке размещались тупик из челюсти КРС со следами длительного использования, астрагалы КРС, овцы, кусочки красного и желтого минералов, 2 кучки золы (одна из них содержала частички коричневого минерала, угольки и кальцинированные косточки), фрагменты сосудов, угольки и т.д. [Изотова, 2000, с. 121]. Данный комплекс, как

убедительно показала М.А. Изотова, демонстрирует следы жертвоприношений обитателям преисподней [Изотова, 2000, с. 122], то есть, яма служила местом контакта с потусторонним миром. В процессе этого контакта, что для нас наиболее важно, использовались астрагалы КРС (вспомним астрагалы КРС в яме № 14 на Ляпичевом хуторе). В свете отмеченного становится вполне понятным возложение таранных костей КРС и близ погребений кургана, исследованного возле Широкой балки.

При рассмотрении керамического комплекса нетрудно заметить, что в погребениях находились банки и слабопрофилированные сосуды, а фрагмент с наlepным валиком (рис. 3, б) – только в насыпи. Если учесть широко распространенную надкультурную и надвременную традиции помещения в погребения преимущественно столовой посуды, это еще раз подтверждает отнесение небольших банок срубной культуры к столовой посуде [Горбов, 1994, с. 133], а сосудов с наlepным валиком – к кухонной и тарной [Горбов и др., 1999, с. 77].

Хронологическая привязка срубных погребений кургана 1 не вызывает затруднений. Судя по деталям погребального обряда и керамической серии, все погребения можно отнести к III (“раннесабатиновскому”) горизонту по Р.А. Литвиненко [1999, с. 17, 20, рис. 13]. Обратим внимание на некоторые детали обряда: три срубных погребения в кургане (3, 7 и 12) – правобочные. Для широкобалкинского кургана процент правобочных погребений оказывается довольно высоким – 21,4 % (это даже с учетом трех разрушенных погребений, положение скелетов в которых не определяется). Сравнительно часто встречаемая правобочная позиция умерших – одна из черт погребений III горизонта [Литвиненко, 1999, с. 17]. Заметим, что правобочными являются погребения разных стратиграфических микрогрупп, то есть, в рамках стратиграфии кургана мы “ловим” некую продолжительность и микростратиграфию III хронологического горизонта срубных погребений Северо-Восточного Приазовья.

¹³ В 1991-1992 гг. материалы поселения Ляпичев хутор, хранящихся в фондах отдела Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, были обработаны авторами этой статьи.

Весьма существенно, что на второй насыпи кургана были найдены фрагменты керамики и кости животных, перекрытые третьей насыпью. Среди керамики обращает на себя внимание фрагмент венчика с крупным наlepным валиком, расчлененным горизонтальными вдавлениями (рис. 3, б). Подобная посуда встречается в Широкой Балке II в слое, перекрывающем исследованное на поселении

жилище. Этот слой относится к IV горизонту единой стратиграфической колонки, разработанной для срубных поселений Северо-Восточного Приазовья одним из авторов [Горбов, 1995, с. 53-65; 1997, с. 148,150] и соответствует XIII в. до н.э. [Горбов, 1995, с. 64]. Очевидно, этим временем, но не исключено, что и более ранним, можно суммарно датировать и срубные погребения кургана 1 Широкой Балки¹⁴.

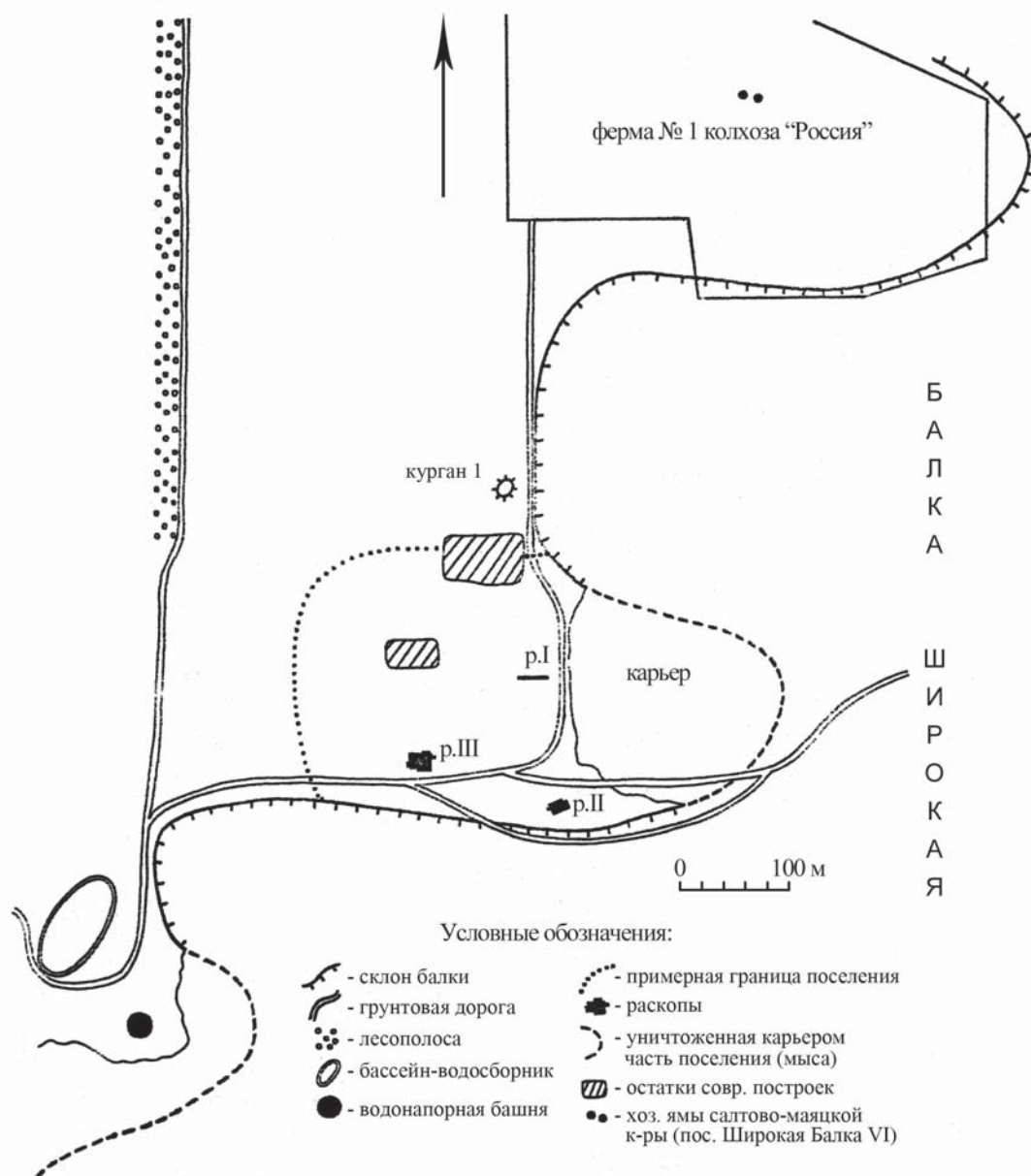

Рис. 1. Поселения Широкая Балка-II, Широкая Балка-VI и курган между ними. Ситуационный план.

¹⁴ Благодарим В.В. Цимиданова и Р.А. Литвиненко за помощь и ценные замечания, которые получили авторы во время написания этой работы.

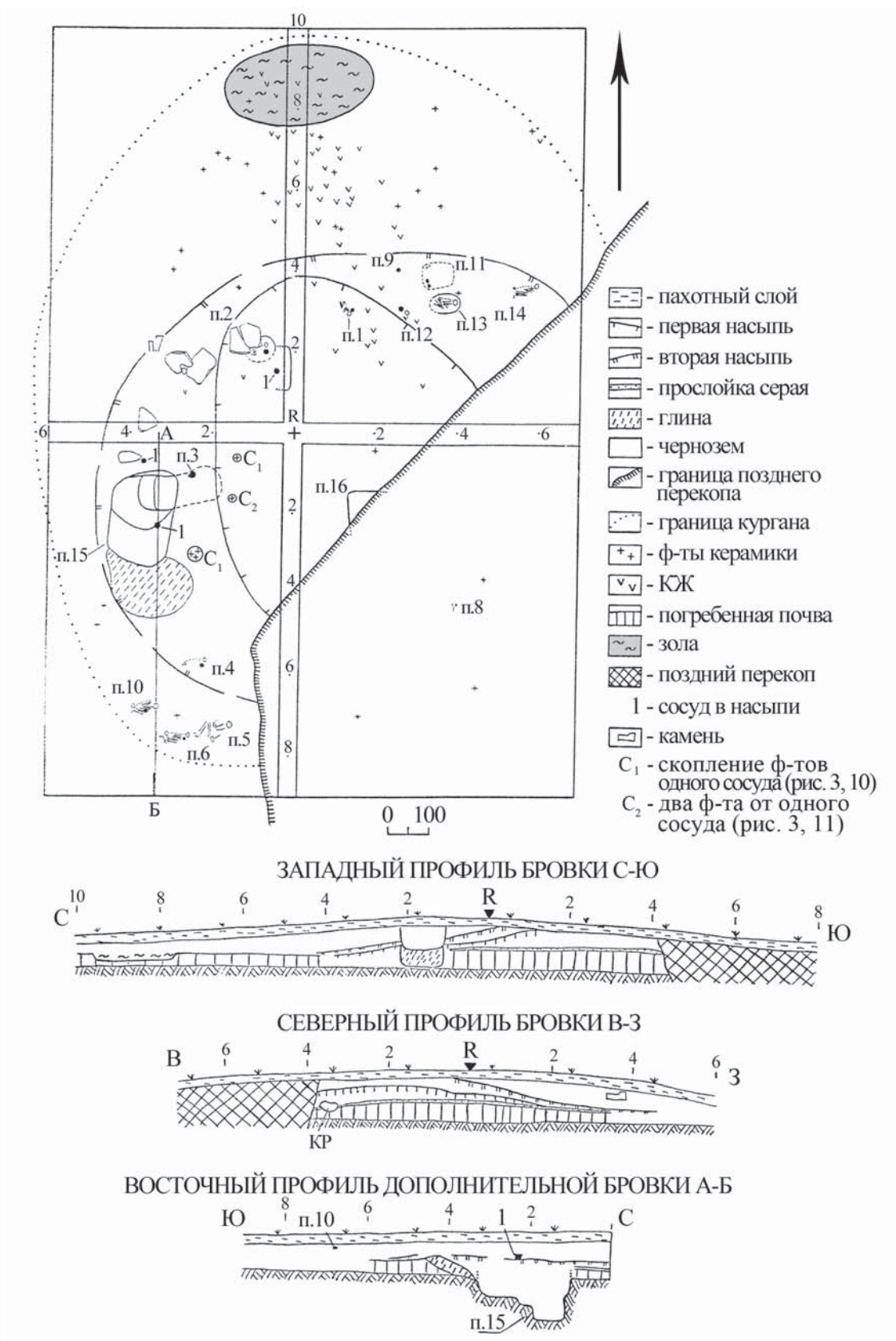

Рис. 2. Широкая Балка. Курган 1. Общий план и профили.

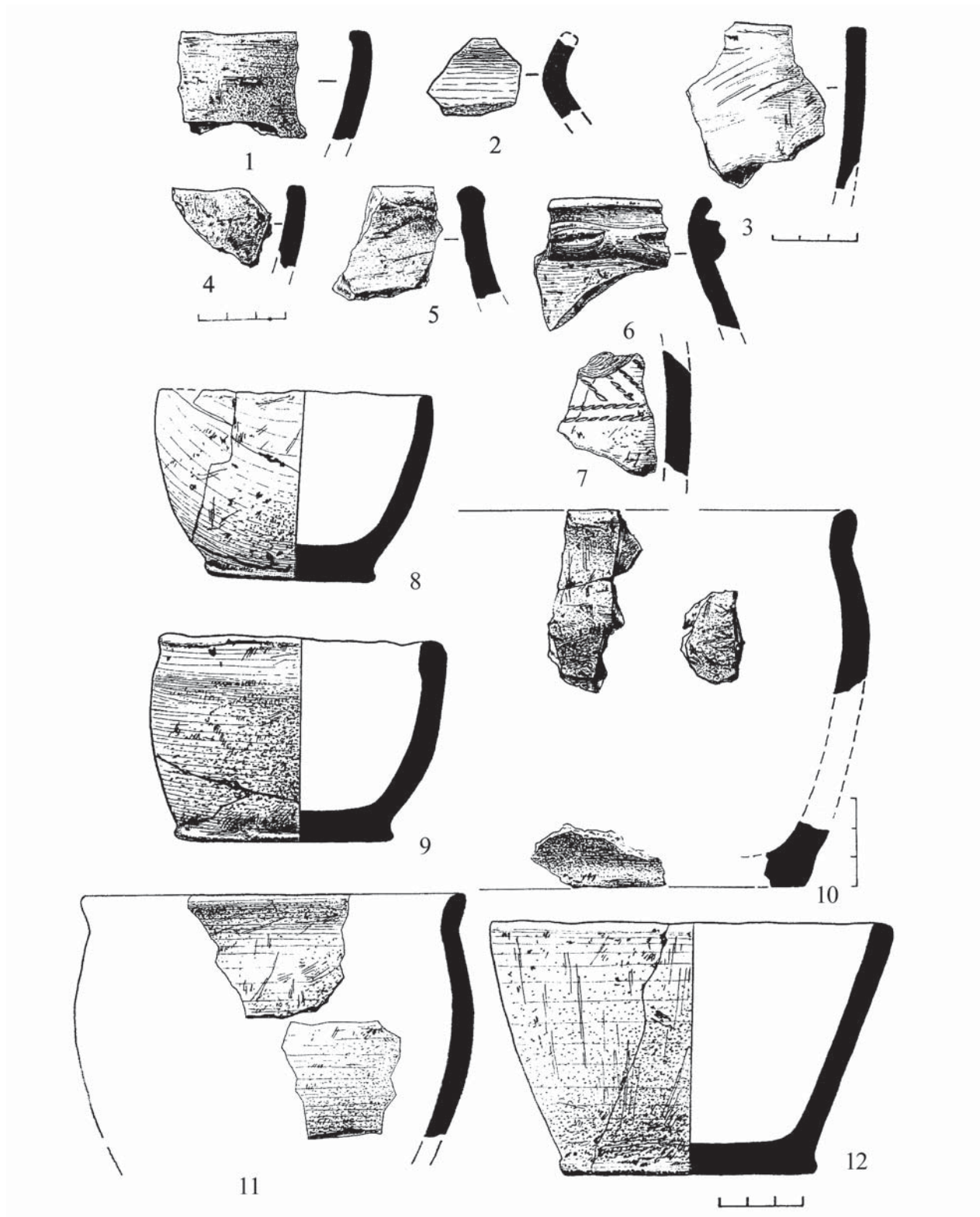

Рис. 3. Широкая Балка. Курган 1. Находки в насыпи (1-8, 10-12) и в яме (9).

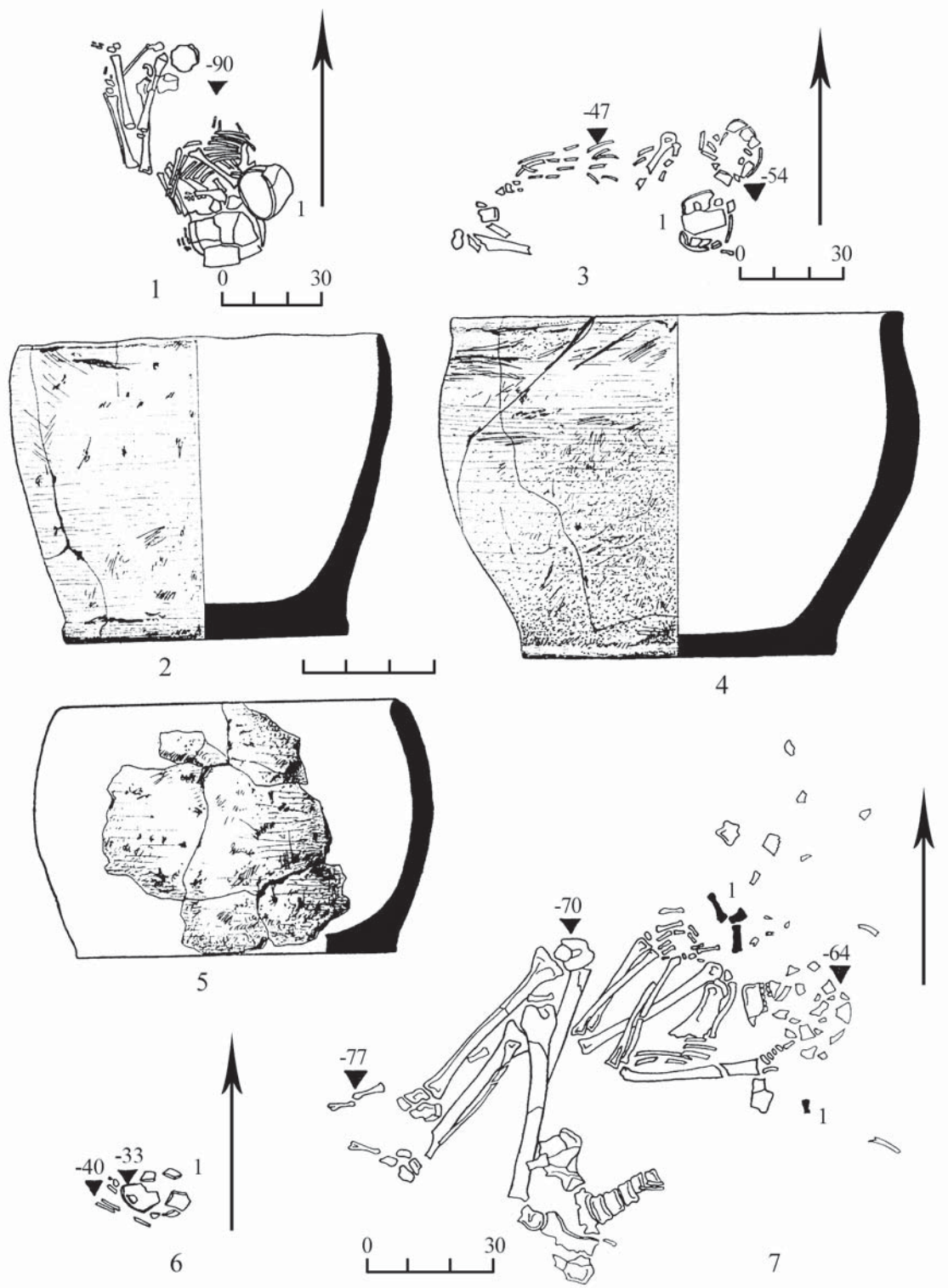

Рис. 4. Широкая Балка. Курган 1: 1 – п. 1 (1 – сосуд); 2 – сосуд из п. 1; 3 – п. 4 (1 – сосуд); 4 – сосуд из п. 4; 5 – сосуд из п. 3; 6 – п. 3 (1 – сосуд); 7 – п. 5 (1 – плюсневые кости стопы).

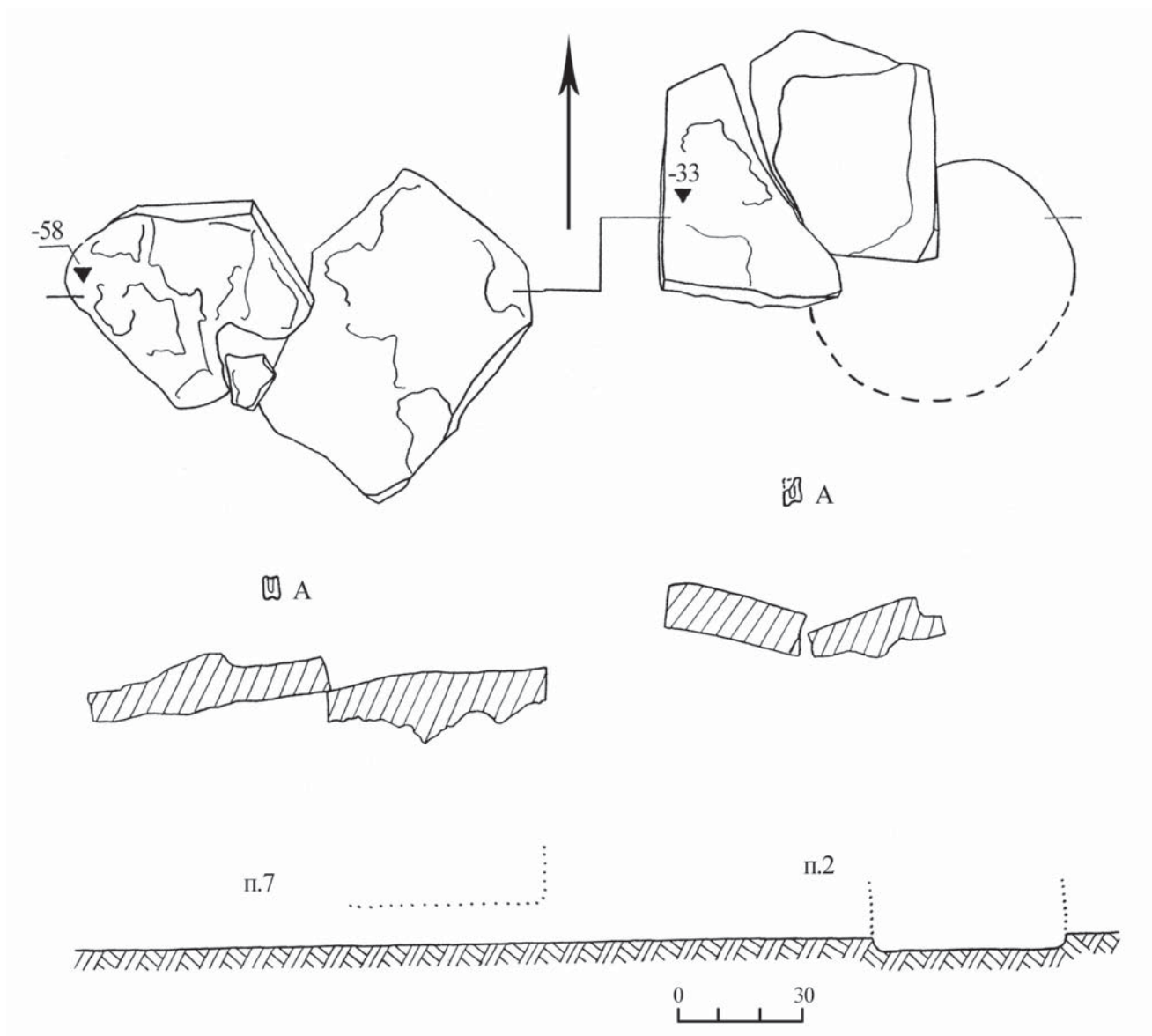

Рис. 5. Широкая Балка. Курган 1. Перекрытия и разрезы п. 2 и п. 7 (А – астрагалы КРС).

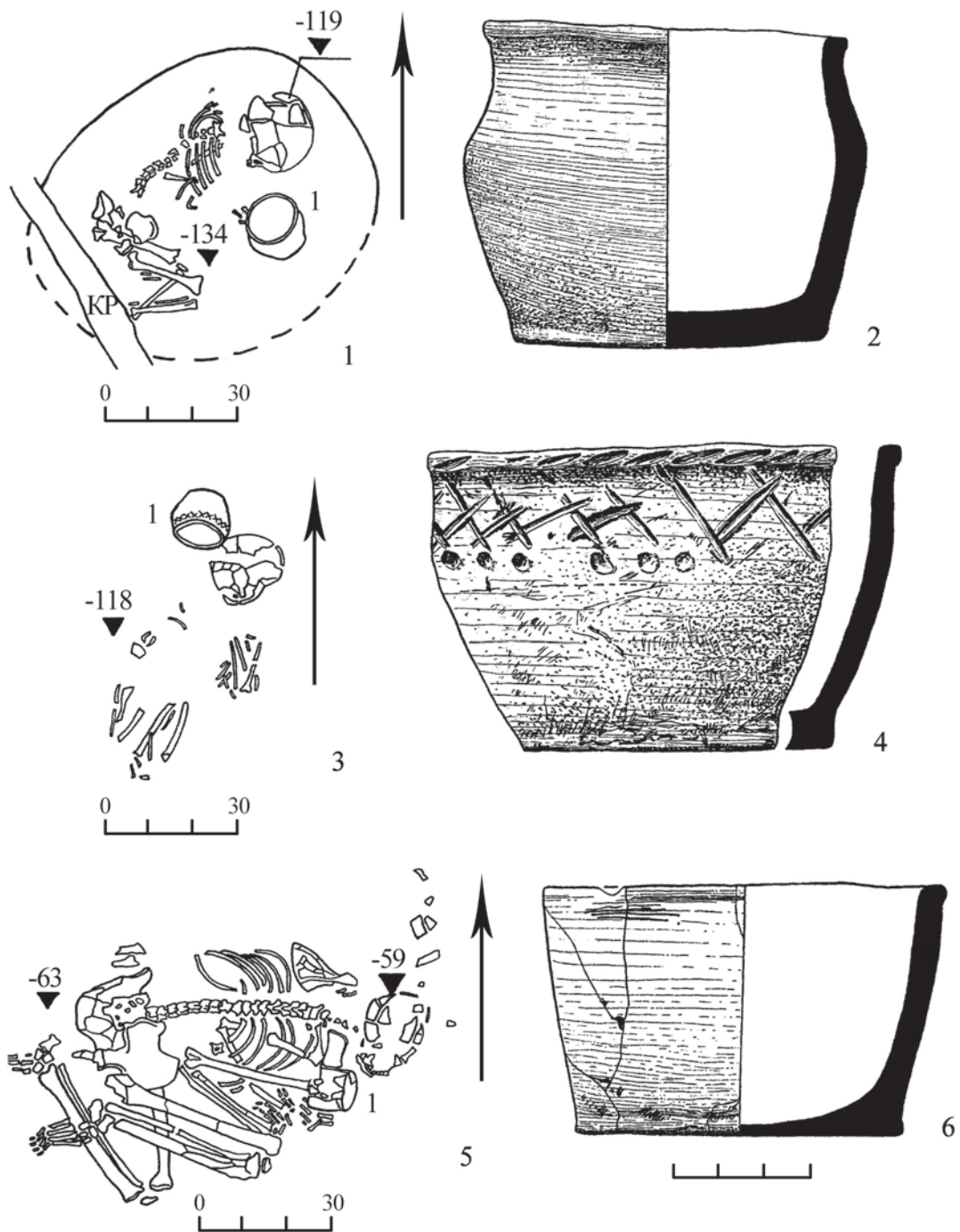

Рис. 6. Широкая Балка. Курган 1: 1 – п. 2 (1 – сосуд); 2 – сосуд из п. 2; 3 – п. 7 (1 – сосуд); 4 – сосуд из п. 7; 5 – п. 6 (1 – сосуд); 6 – сосуд из п. 6.

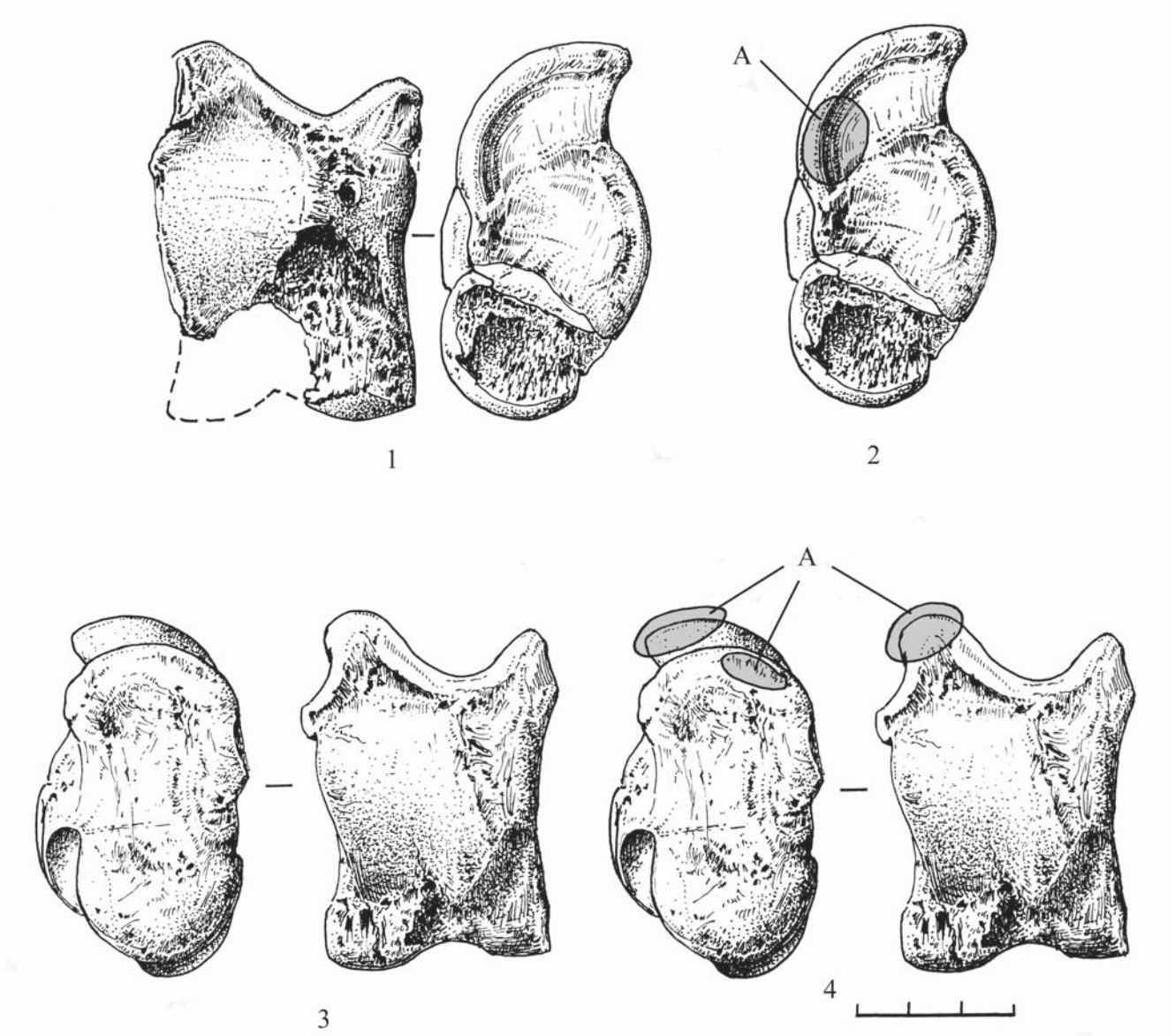

Рис. 7. Широкая Балка. Курган 1: 1 – астрагал возле перекрытия п. 2; 2 – участок заполировки на астрагале из п. 2; 3 – астрагал возле перекрытия п. 7; 4 – участки заполировки на астрагале из п. 7.

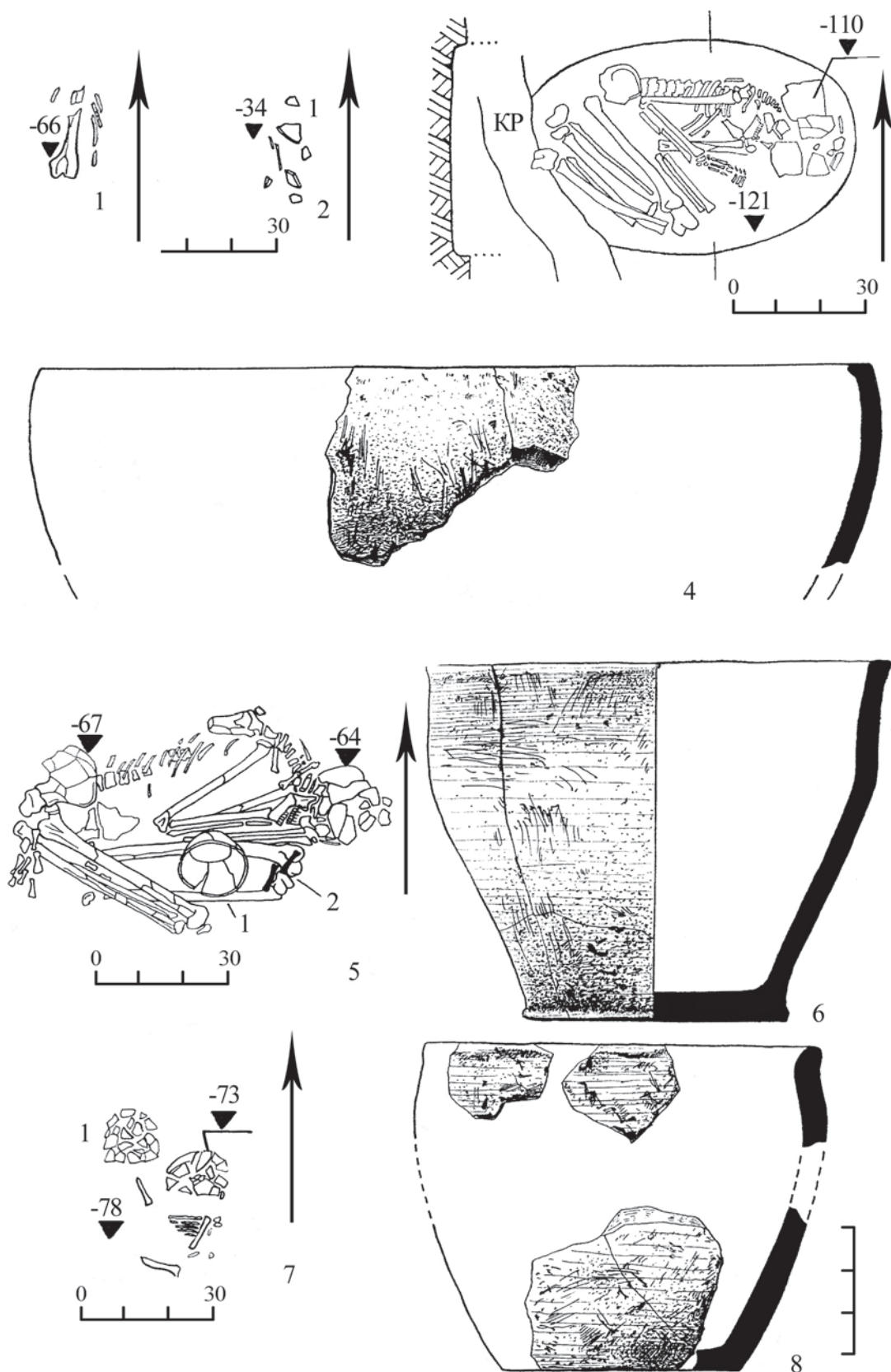

Рис. 8. Широкая Балка. Курган 1: 1 – п. 8; 2 – п. 9 (1 – сосуд); 3 – п. 13; 4 – сосуд из п. 9; 5 – п. 10 (1 – сосуд; 2 – плюсневые кости стопы); 6 – сосуд из п. 10; 7 – п. 12; 8 – сосуд из п. 12.

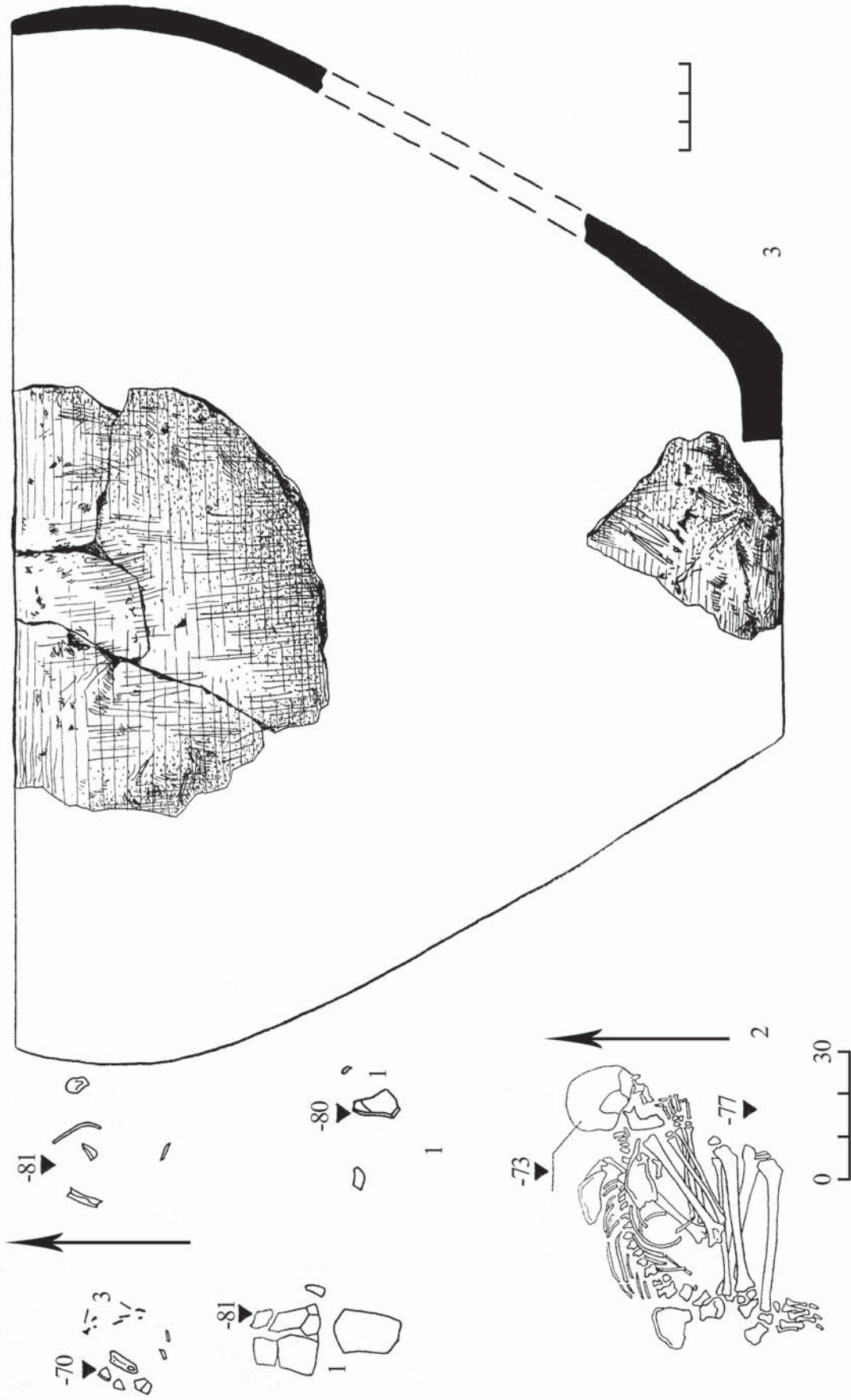

Рис. 9. Широкая Балка. Курган 1: 1 – п. 11 (1 – фрагменты сосуда); 2 – п. 14; 3 – сосуд из п. 11.

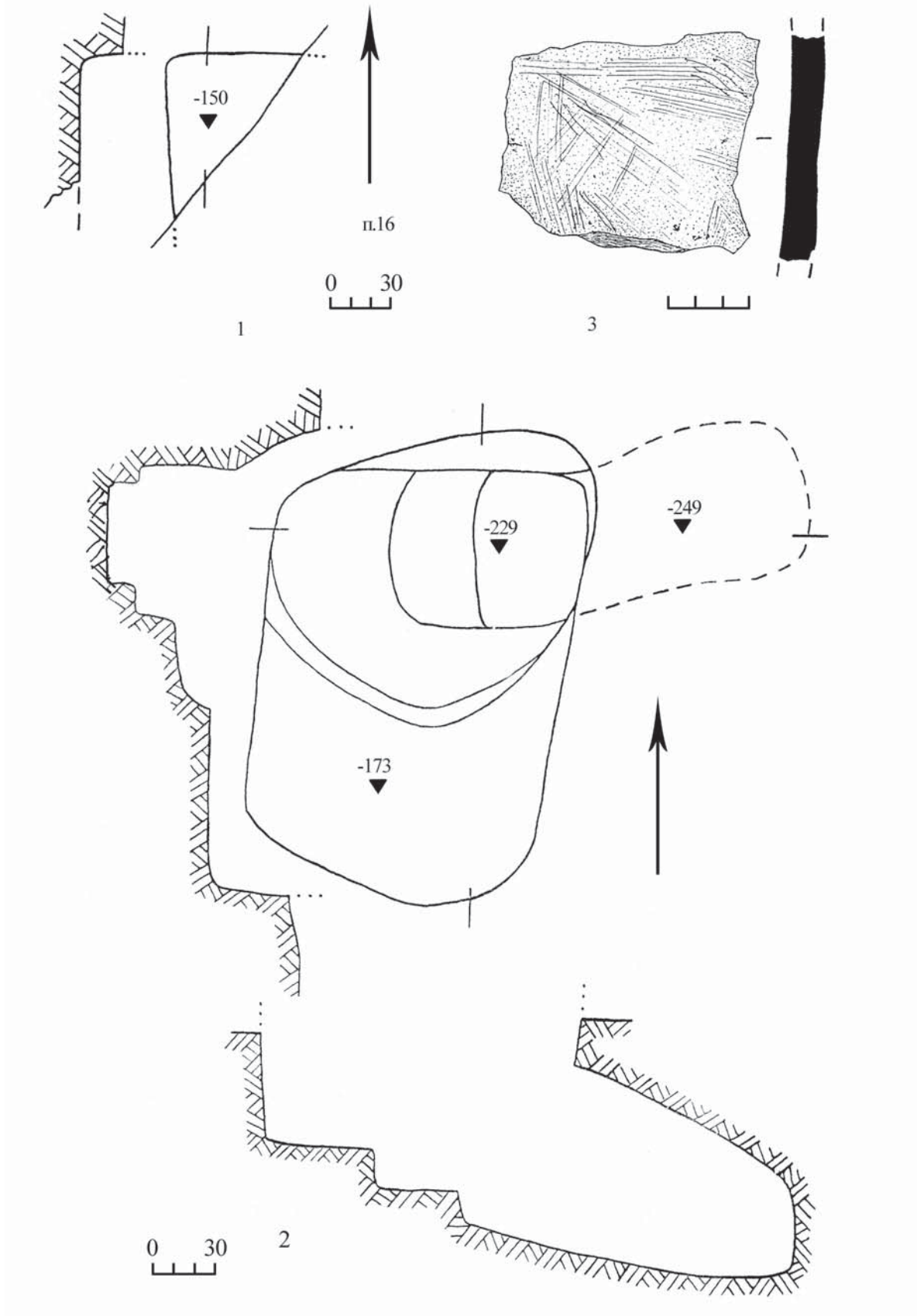

Рис. 10. Широкая Балка. Курган 1: 1 – п. 16; 2 – п. 15; 3 – фрагмент сосуда из п. 15.

Литература

Агапов С.А., Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Работы на севере Саратовской области // АО 1977 года. – М.: Наука, 1978. – С. 150-151.

Антипина Е.Е. Глава 7. Археозоологические материалы // Каргалы. – Т. III. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 182-239.

Багаутдинов Р.С., Васильева И.Н. Курганные группы Золотая Нива I и II // Вопросы археологии Урала и Поволжья. – Вып. 2. – Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2004. – С. 181-211.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы (Периодизация и хронология памятников). – К.: Наукова думка, 1976. – 251 с.

Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу. Ч. I. – Луганськ: Шлях, 2001. – 76 с.

Братченко С.Н., Писларий И.А., Зарайская Н.П., Горелик А.Ф., Дубовская О.Р., Шилов Ю.А., Гершкович Я.П., Смирнов А.М., Константиnescу Л.Ф., Швецов М.Л., Балонов Ф.Р., Самойленко В.Г. Отчет Второй Северскодонецкой экспедиции об археологических исследованиях в Донецкой и Ворошиловградской областях в 1976 г. // НА ИА НАН Украины. Ф.е. 1976/106.

Васильев И.Б. Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской области // Вопросы отечественной и всеобщей истории. – Куйбышев, 1975.

Васильев И.Б. Лузановский курганный могильник (материалы раскопок) // Средневожская археологическая экспедиция. – Куйбышев, 1977. – С. 5-43.

Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Отчет о раскопках I Алексеевского левобережного грунтового могильника в Саратовской области по открытым листам № № – Куйбышев, 1977.

Волкобой С.С. Срубные погребения с трупосожжением в Орельско-Самарском междуречье // Курганные древности Степного Поднепровья. – Вып. 3. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского гос. ун-та, 1979. – С. 98-103.

Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск, 1996. – 328 с.

Горбов В.Н. Об одной категории керамики позднего бронзового века // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. – V в. н.э. М-лы Междунар. археологич. конф. Тез. докл. – Тирасполь: НИЛ “Археология” ПГКУ, 1994. – С. 130-133.

Горбов В.Н. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II. М-лы конф. – СПб., 1995. – С. 52-72.

Горбов В.Н. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах. № 6. – Донецк, 1997. – С. 145-162.

Горбов В.Н., Кабанова Е.В., Чубатенко И.А., Усачук А.Н. Валик на керамике позднего бронзового века: поиск назначения // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова). – Запорожье, 1999. – С. 71-78.

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 24-69.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. Охраные исследования в Приазовье // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Тез. докл. – Донецк, 1987. – С. 64-67.

Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правом берегу р. Дема // СА. – 1977. – № 1. – С. 149-161.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья – Уфа: Башкирское книж. изд-во, 1991. – 160 с.

Грязнов М.П., 1951. Волго-Донская экспедиция 1951 г. // НА ИИМК РАН, Ф. 35, опись 1951, ед. хр. 131. КП-3105.

Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии.

– М.: Наука, 1970. – С. 40-127.

Иванов А.Ю., Скарбовенко В.А. Могильник эпохи бронзы у д.Новоселки на р.Цильне // Археологические исследования в Поволжье. – Самара, 1993. – С. 78-128.

Изотова М.А. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы “Макаровская речка” // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. – Воронеж, 2000. – С. 118-124.

Ильюков Л.С., Казакова Л.М. Курганы Миусского полуострова. – Ростов-на-Дону, 1988. – 168 с.

Клименко В.Ф. Мой путь в археологии: Романтика и реальность. – Донецк, 2008. – 39 с.

Ковальова І.Ф., Волкобой С.С. Маївський локальний варіант зрубної культури // Археологія. – 1976. – Вип. 20. – С. 3-22.

Ковалева И.Ф., Марина З.П., Чернявская Н.В., Никитин С.В. Курганный могильник эпохи бронзы у с.Хашево // Курганные древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.) – Вып. III. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского гос. ун-та, 1979. – С. 5-24.

Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Андросов А. Срубные курганные могильники Среднего Присамарья // Курганные древности степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.) – Вып. III. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского гос. ун-та, 1979а. – С. 25-44.

Ковалева И.Ф., Ромашко В.А., Чернявская Н.В., Христан А.М. Раскопки курганных могильников бронзового века Среднего Приорелья // Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского гос. ун-та, 1981. – С. 19-44.

Колев Ю.И. Грунтовый могильник срубной культуры Съезжее II (материалы раскопок) // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке. – Самара, 2003. – С. 88-111.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Археологический сборник. Труды ГИМ. – Вып. XVII. – М., 1948. – С. 56-172.

Круц С.И. Палеоантропологические исследования Степного Поднепровья (эпоха бронзы) – К.: Наукова думка, 1984. – 208 с.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Нестандартный раннесрубный курганный комплекс Юга лесостепного Поволжья // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. – Вып. 1. – Самара, 1999. – С. 59-92.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк, 1999. – С. 4-23.

Лифанов Н.А., Крамарев А.И., Цибин В.А. Исследования курганного могильника Степановка III в 2006 г. // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. – Самара, 2008. – С. 123-142.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.) – Саратов, 2010. – 244 с.

Мельников Е.Н. Раннесрубные погребения кургана 1 у с.Алексеевка // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ, 2005. – С. 85-87.

Мимоход Р.А. Критерии выделения поселенческих культовых комплексов эпохи поздней бронзы // Проблемы археологии и архитектуры. Т.1: “Археология”. – Донецк-Макеевка, 2001. – С. 94-105.

Мимоход Р.А. Курганы эпохи бронзы – раннего железного века в Саратовском Поволжье: характеристика и культурно-хронологическая атрибуция комплексов. – М., 2009. – 292 с.

Моргунова Н.Л. Курганы у с.Уранбаш на Каргалинских рудниках // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. III. – Оренбург, 1999. – С. 40-64.

Моргунова Н.Л. Могильник Уранбаш-южный // Каргалы. – Т. IV. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 100-124.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынские археологические памятники центральных районов Саратовской области в исторической памяти русского крестьянства XIX – начале XX века //

Материалы краеведческих чтений, посвященных 135-летию Общества естествоиспытателей при КГУ, 100-летию со дня рождения М.Г. Худякова. – Казань, 2004. – С. 144-149.

Отчет Мельникова Е.Н. к Открытому листу № 716 Об археологических исследованиях в Добринском районе Липецкой области в 2003 году. – Липецк, 2004.

Пестрикова В.И. I курганный могильник у совхоза “Солнечный” // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / Научные труды. – Т. 220. – Куйбышев, 1977. – С. 72-81.

Санжаров С.Н. Катакомбные культуры Северо-Восточного Приазовья – Луганск: Изд-во Восточноукр. нац. ун-та, 2001. – 172 с.

Семенова А.П. Глава V. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. – Самара, 2000. – С. 152-208.

Свод данных об исследованиях курганов на территории Донецкой области в XX веке / Авторы-составители: Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Цимиданов В.В., Литвиненко Р.А. // Археологический альманах. № 14. – Донецк, 2004. – С. 56-109.

Скарбовенко В.А. Исследование курганов 5 и 6 // Калиновский I курганный могильник. – Самара, 2006. – С. 24-41.

Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. – М., 1996. – 182 с.

Усачук А.Н. Новые поселения эпохи бронзы в Северо-Восточном Приазовье // Актуальные проблемы археологических исследований в УССР. – К., 1981. – С. 46-47.

Усачук А.Н. Коллекция костяных изделий Староласпинского поселения эпохи поздней бронзы // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 107-110.

Усачук А.Н., Полидович Ю.Б., Колесник А.В. Курганы Донбасса в народном восприятии и научной практике (до начала XX века): мифы и реальность // Археологический альманах. № 14. – Донецк, 2004. – С. 13-55.

Халяпин М.В. Курганы срубной культуры у с.Свердлово // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. 2. – Оренбург: Изд-во Оренбургского ун-та, 1998. – С. 57-86.

Харлампович П.В. Матеріали з археології та історії Первомайщини // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській Академії наук. Ч. 4-5. Секція археологічна. Одеса, 1930. – С. 65-85.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества – Донецк, 2004. – 204 с.

Цимиданов В.В. Срубная культурно-историческая общность: мужчины и женщины // МДАСУ. – № 5. – Луганськ, 2006. – С. 193-214.

Чернопицкий М.П. Непогребальные комплексы в курганах Нижнего Дона // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону, 1983. – С. 84-89.

Чивилев В.А. Группа памятников срубной культуры у с.Ровенка Добринского района Липецкой области // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. – Саратов, 2000. – С. 113-115.

Юдин А.И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или “игроки”? // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. – Саратов, 2009. – С. 146-170.

Gorbov V.N., Usachuk A.N.

Bronze Age barrow in North-Eastern Azov Sea Littoral

In 1986 near Novoazovsk (Donetsk region) a barrow was excavated near Shirokaya Balka II settlement of Timber-Grave culture. Thirteen burials of Timber-Grave culture and 2 catacomb burials were unearthed in the barrow. One burial is uncertain. Interesting details of mortuary practice of Timber-Grave culture have been investigated.

Keywords: *barrow, burial, the late Bronze Age, Timber-Grave culture.*

Курган бронзової доби у Північно-Східному Приазов'ї

У 1986 р. поблизу м.Новоазовськ (Донецька обл.) розкопано курган біля поселення зрубної культури Широка Балка II. В кургані виявилось 13 поховань зрубного часу, 2 поховання – каткомбного. 1 поховання – невизначено у часі. Простежені цікаві деталі зрубні поховальної обрядності.

Ключові слова: *курган, поховання, доба пізньої бронзи, зрубна культура.*

Стаття поступила в редакцію в ноябре 2011 г.